

МАГИЯ НЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ.
ОНА ВЫБИРАЕТ.

РУКА И СОЛЬ

ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ
О ВЕДЬМАХ
И СВОБОДЕ ВОЛИ

КНИГА
ПРОРОЧЕСТВ

СВЕТА ВАХЕМЕТС

Света Вахеметс

Рука и Соль

«Автор»

2026

Вахеметс С.

Рука и Соль / С. Вахеметс — «Автор», 2026

Роман вошёл в лонг-лист опен-колла от издательства OZ. Минск хранит свои тайны не только в старых дворах и тумане над Свислочью. Здесь, среди обычных улиц и дождливых набережных, веками существуют ведьмовские кованы, связанные древними пророчествами, ритуалами и магией крови. Есения — наследница старого рода, обещанная в союз, который должен укрепить силу кована. Но чем ближе день обряда, тем сильнее она чувствует: её жизнь давно перестала принадлежать ей самой. Одна случайная встреча с человеком из обычного мира запускает цепь событий, способную разрушить не только её судьбу, но и сам порядок, на котором держится магический Минск.

© Вахеметс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Света Вахеметс

Рука и Соль

Глава 1

Это утро в Минске было особенно серым. Есения стряхнула с зонтика капли, провернула в замке старый ключ и вошла в магазин. На витрине покачивались связки сушёного шалфея и пижмы, в воздухе висел терпкий аромат коры дуба. Магия не была здесь чем-то особенным. Она пропитывала каждый предмет, как влага стены подвала. Никаких чудес. Просто порядок вещей.

Свет вспыхнул по щелчку пальца, Яся даже не знала, был ли где-то в магазине привычный выключатель. Он махнула рукой, и табличка на двери сменилась на "Открыто". Семейный магазинчик магических товаров работал в небольшом помещении на Комсомольской уже не одну сотню лет, и, судя по всему, проработает ещё столько же. Иногда Яся удивлялась, насколько они пользуются спросом у магической части Минска.

Первые покупатели не заставили себя долго ждать. Колокольчик на столе зазвонил, и в дверях появилась старушка. Она провела ладонями по мокрому плащу, и тот в секунду высох.

— Доброе утро, деточка, — она подошла к Есении, что раскладывала колоды карт по полкам, — от бессоницы что можете порекомендовать? Меня эти духи неупокоенные замаяли уже, сил нет.

Яся понимающе кивнула.

— Что предпочитаете, — поинтересовалась она заходя за прилавок, — мелисса или валерьяна? Все в местах силы собирали.

— Мелиссу, конечно, — фыркнула старушка. — Валерьяна от меня дед, царствие ему громкое, в домовую утку сбежал. С тех пор только мелиссу пью.

Есения кивнула, достала с полки невысокий пузырёк и аккуратно поставила его на прилавок. Внутри покачивалась тягучая, зелёная жидкость с крохотными пузырьками — будто настой сам дышал.

— Перед сном три капли на язык. И свечу, вот эту, — она достала из-под прилавка белую свечу с золотой нитью. — Поджечь и не глядеть в пламя.

Старушка покивала, достала из кармана маленькую монету и уколола себе палец. Капля крови упала на металл — монета вспыхнула красным, и погасла.

Когда дверь закрылась, колокольчик звякнул дважды — магия, отслеживающая намерения. Это означало: покупатель не солгал. Всё честно.

Есения вытерла ладонь о фартук, глянула на часы и прошептала:

— Ну, понеслось...

Яся сидела за прилавком, раз за разом тасуя в руках старую колоду. Карты были уже порядком изношенные, с порванными уголками, но молодую ведьму ещё никогда не подводили. Она вытащила карту.

Баиня.

Яся вздрогнула, а потом улыбнулась. Карты любили пошутить.

За потоком посетителей девушке стало совершенно некогда рассуждать о будущем. Тем более, как говорили мама и тётя, все давно было предрешиено. Вряд ли хоть кто-то из ковена хоть раз что-то решал сам.

Колокольчик звякнул, и Яся присмотрелась к посетителю. Молодой парень нерешительно топтался у входа, оглядываясь по сторонам. Девушка с удивлением отметила - он человек, а не ведьмак. Ну, или на худой конец, вампир.

— Добро пожаловать, — поприветствовала она смутившегося паренька, — Чем могу быть полезна?

— Мне сказали, что у вас можно что-то на удачу купить, — пробормотал он. Яся чувствовала, он сам не знал чего хотел. Точнее, ему было совершенно все равно, лишь бы сработало. Ведь впереди маячил экзамен, к которому нерадивый студент был совершенно не готов.

Яся тяжело вздохнула, и вытащила из под прилавка маленькую коробку, куда скидывала всякие безделушки. Магии в них было не больше, чем в фонарном столбе.

— Вот, — она положила на прилавок золотую пуговицу, — пришей на рубашку, авось и поможет.

— Сколько? — парень потянулся за кошельком, но Яся махнула рукой.

— Так забирай, — студент рассыпался в благодарностях и вышел. Колокольчик промолчал. Яся лишь развела руками:

— А что мне сделать надо было?

Яся только собралась вернуться к своим картам, как на стене вспыхнул алый символ — круг со стрелой, направленной вверх. Знак вызова. Не обсуждается. Не откладывается.

— Конечно, — пробормотала она, отодвигая колоду в сторону. — Кто бы сомневался.

Яся не так давно отметила своё двадцатилетие, и конечно знала, что этот день настанет. Но Книга Пророчеств всегда казалась ей чем-то далёким и чужим. Тем, что решает жизни всех вокруг, но не её.

Обычно, молодые ведьмы радовались. Судьба уже предрешена: за кого выйти замуж, какую должность занять, все это было написано в Книге. Пусть и не прямо.

Толковать Книгу было делом Совета: сопоставлять строки с датами рождения, родовыми символами, снами. Магия подсказывала, но никогда прямо не говорила. Совету иногда требовалось время, чтобы расшифровать и додумать какое-то конкретное пророчество.

Яся вышла через заднюю дверь, в переулок, где на кирпичной стене темнело неприметное пятно. Магический узор вспыхнул, как только она приложила к нему ладонь, и воздух дрогнул. Пространство сложилось, будто бумага, и Яся шагнула внутрь.

Дом ковена находился не в Минске. Точнее, не совсем в Минске. Укрытый между улицами, временем и памятью, он жил по своим законам. Здания из чёрного кирпича, окна без стёкол, аромат сухих трав и меди — всё это встречало её, как всегда.

— Ты опоздала, — тётка Клара стояла у входа, скрестив руки.

— Я работала, — спокойно ответила Яся, — Магазин сам себя не удержит.

Клара фыркнула и отвернулась.

— Идём. Старшие ждут. Сегодня решается твоя судьба.

В доме стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь шагами Яси по вытертому ковру. Тётя Клара двигалась бесшумно, словно тень, изредка бросая на племянницу укоризненные взгляды, будто опоздание было смертным грехом.

Большой зал встретил её холодом и ожиданием. Совет Ковена — женщины в чёрных накидках, с нитями седины в волосах и тяжёлым взглядом — сидели по кругу. Каждая из них когда-то стояла там же, где сейчас Яся.

Она остановилась в центре круга и опустила голову, как требовал ритуал.

— Есения, — голос её матери был спокоен, но оттого ещё холоднее. — Ты достигла возраста, когда должна выполнить свою часть судьбы. Согласно Пророчеству...

Она раскрыла старую, иссохшую страницу, и её голос стал ещё более обрядовым:

*«Когда придёт Время Третьей Крови,
союз из рода и силы*

*сохранит Пламя древних.
Через соединение двух начертанных,
ковен обретёт новое дыхание.
И станет ведьма связана тем,
кто укрепит мост между мирами.»*

— Мы приняли решение: ты выйдешь замуж за Ратмира, представителя Восточного Ковена, — продолжила Маргарита.

Сердце Яси ухнуло в пятки. Свадьба? Сейчас? Это было последнее, чего она ожидала. Пусть бы её сослали в Прибалтику, заставили месяцами учить старые заклатья в Академии — но не это.

— Да, мама, — выдохнула она, еле слышно, и опустила глаза.

— Ваша помолвка состоится в день Летнего Солнцестояния. Подготовка начинается сегодня, — голос матери был ровным, словно она говорила о смене расписания, а не о судьбе собственной дочери.

Яся не спорила. Не потому, что была согласна. А потому что знала: спор здесь не имеет смысла.

— Завтра вместо работы пойдёшь к швеям, пусть начнут готовить платье, — подала голос бабушка Рая.

— Хорошо, — тихо ответила Яся.

— Можешь идти, Есения, — Яся ещё раз поклонилась, и не оборачиваясь кинулась к выходу. Внутри было пусто, ведь у неё отняли последнее: выбор.

В магазине уже хозяйничала Лада. Младшая сестра Есении редко появлялась в магазине, предпочитая помогать в Совете, но сегодня сделала исключение, чтобы первой поздравить сестру. Как только Яся зашла в магазин Лада затараторила:

— Ясенька, поздравляю! Тебе так повезло, сам Ратмир тебе в жены берет! — Яся лишь криво улыбнулась. Она повода для радости не видела.

— Да, наверное.

— Ты недовольна? — Лада прищурилась, и голос её стал тише. — Он красивый, сильный. Старший ведьмак Восточного круга. Сам Совет с ним считается. У него даже кровь вторая — его бабка из Ладенской линии, говорят. А ты — Третья Кровь. Главная в Пророчестве. Разве не этого ты хотела?

Яся едва заметно вздрогнула. Главная... Это слово всегда звучало как приговор, хотя остальные слышали в нём почёт.

— Я хотела выбрать, — тихо ответила она.

Лада замолчала. Потом фыркнула:

— Зря ты. Мама бы не одобрила такие разговоры.

— Вот именно, — Яся отвернулась и вытерла пыль со стойки. — Поэтому и не говорю с ней.

— Допрыгаешься ты когда-нибудь, — бросила Лада, но Яся ее проигнорировала. Не хватало ещё полностью испортить себе настроение.

— Там чары на витрине рассеиваться начали, — кивнула на вход Лада.

— Сейчас поправлю, — Яся вышла из магазина под холодный дождь.

Она стояла у витрины антикварной лавки и ждала, пока магический фильтр вплетётся в стекло. Снаружи магазин выглядел обычным — узкие окна, облупившаяся дверь, вывеска с выцветшими буквами. Но внутри витрина должна была показывать не старьё, а нужное — тем, кто знает, куда смотреть.

Она уже собиралась вернуться внутрь, как кто-то врезался в неё плечом.

— Ой, простите!

Яся подняла глаза. Перед ней стоял молодой мужчина, в мокрой от дождя куртке, с разворошёнными волосами и рулоном чертежей под мышкой. Он смотрел на неё немного растерянно, будто только что проснулся среди чужого города.

— Всё в порядке, — сказала она, отступая на шаг.

— Это ведь... — он кивнул на витрину. — Лавка с какими-то... странными штуками?

— Так её обычно и описывают, — хмыкнула Яся.

Он протянул руку.

— Артур. Я архитектор. Мы тут рядом реставрацию начинаем, вот — разведал округу.

Она коротко кивнула.

— Яся.

— Необычное имя.

— Такое же, как и лавка.

Артур улыбнулся. Он, похоже, хотел ещё что-то сказать, но краем глаза вдруг уловил, как в витрине, где только что отражался его силуэт, промелькнули багровые символы. Он моргнул — и они исчезли.

— У вас тут... интересный свет, — пробормотал он.

Яся промолчала. Если он увидел, даже на секунду, значит, в нем есть магия. Или хотя бы чувствительность.

Артур уже хотел уйти, но обернулся:

— Бригада может быть... шумной. Если мы будем доставлять неудобства, не стесняйтесь, заходите ругаться.

— Буду иметь в виду, — ответила Яся, и Артур улыбнулся ей в ответ.

— Ну... до встречи, Яся.

— Возможно, — пробормотала девушка, и поспешила скрыться в магазине. Не хватало еще промокнуть и заболеть.

Небо над Минском стянуло серым платком, и Яся куталась в шарф, словно в этом движении была защита. День подошёл к концу, лавка закрыта, а ноги сами несли её в сторону Немиги — туда, где ещё можно идти без маршрута.

Люди спешили по своим делам, в витринах отражалась их суeta, но ведьма видела другое. За трещинами асфальта — линии силы. В старых подворотнях — шёпот старых духов. Минск, как и всегда, говорил, но только для тех, кто мог услышать.

Пока ещё можно вот так — просто гулять. Пока кольцо не на пальце. Пока не начались уроки послушания.

В старом городе воздух дрожа иначе. Земля ещё хранила память о древней магии, и Яся присела на первую попавшуюся лавочку.

— Ты ведь знаешь, что не хочешь, — шептало что-то в ней.

Она поднялась, и пошла дальше, будто ничего не произошло. Яся шла вдоль улицы медленно, будто каждый шаг — разрешение остаться самой собой ещё хоть немного. Она никуда не спешила, и в этом было почти чувство вины.

Ещё можно гулять одной. Ещё можно не думать о чужих решениях, спрятанных под словами «так надо».

Возле пешеходного перехода, на остановке, она увидела знакомый силуэт: Альжбета Станиславовна, строгая ведьма из северной ветви. Те самые, из приболотных поселений, что водят дружбу с лесовикам и болотной нечистью. Шаль цвета воронова крыла, сумка с плетением рун, вечный запах болотного мирта. Людская толпа обтекала ее, словно не замечая.

— Есения? — голос, мягкий, но с металлической нотой. — Ты всё одна?

— Просто гуляю, — ответила Яся, стараясь улыбнуться.

— В твоём положении это уже не к лицу, — голос ее звучал без осуждения, но твёрдо. — Невеста должна готовиться, а не шататься по вечернему городу. Летнее солнцестояние ближе, чем кажется. А Ратмир — не тот, кто ждёт рассеянных невест.

Яся промолчала. Просто кивнула. Альжбета посмотрела на неё чуть дольше, чем стоило бы, потом отвернулась. Резко, словно закрыла книгу.

— Ты хорошая девочка, Яся. Не усложняй свою судьбу.

Она ушла в сумерки, в дождь. Туда, где все делают как надо.

А Яся так и осталась стоять, все острее осознавая своё бессилие. Фонарь за её спиной моргнул, и потух.

Глава 2

Утро началось с тишины. Такой, в которой слышно, как скрипит пол под босыми ногами, как капает вода в раковине и как недовольно шепчет старый чайник, ещё не поставленный на огонь. Яся проснулась раньше всех, но не спешила вставать. Под пальцами — шершавая ткань покрывала, а на сердце — пустота, затянутая плёнкой тревоги.

Она знала, что сегодня всё начнётся.

На кухне пахло календулой и поджаренным хлебом. Бабушка Рая уже сидела у окна, укрытая вязаными шальями, и как всегда делала вид, что считает ворон за окном.

— Не забудь: к швеям пойдёшь сразу после завтрака, — сказала она, не поворачивая головы. — Кузьмина сшила всем нашим девушкам платья, и тебе сошьёт.

Яся молча кивнула и налила себе чай. Он был крепким, почти горьким — как будто сам утро знало, что надо держаться.

— И в лавку можешь больше не ходить, — добавила мать, появившись в дверях. Её халат был идеально выглажен, волосы собраны в узел. — Не к лицу невесте заниматься торгами. Лада займётся вместо тебя.

Лада. Конечно. Та всегда была «правильной». Громко не смеялась. Вопросов не задавала. Не задерживалась на улицах дольше, чем позволено.

— Да, мама, — выдохнула Яся.

Ответить иначе было бы равносильно попытке сломать стену взглядом.

Она сделала глоток чая и почувствовала, как по горлу прокатилась усталость. Такая, что приходит не от дел, а от того, что делаешь не своё. Не для себя.

За окном светало когда Яся наконец-то вышла из дома. Она тянула время до последнего, словно надеясь, что все вокруг передумают, и она отправится как обычно, в лавку. Но, чуда не случилось.

Минск только начинал просыпаться. На улицах было малоллюдно, и она смогла рассмотреть духов, что резвились в лужах после вчерашнего дождя. Яся улыбнулась, ей хотелось быть такой же свободной, как и они.

Вход в ателье прятался прямо в Белорусском центре моды. Это было то самое место, где мечтала оказаться каждая молодая Минская ведьма.

Яся прошла по коридору, отыскав метку, и толкнула тяжёлую дверь, обитую кожей и украшенную завитками резьбы, которую с первого раза редко кому удавалось открыть. Но Яся знала, куда надавить.

Стук колокольчика был тихим — будто отголосок старой скрипки. Запах лаванды и палёной шерсти окутал девушку, как одеяло.

За широким столом сидели две ведьмы — одна седая, с лупой в глазу, другая — с зелёной нитью в руках. Ни одна из них не подняла глаз.

— Есения, — сказала та, что с лупой. — Тебя ждали.

— Простите, задержалась, — Яся шагнула ближе, разглядывая ткани, разложенные перед ведьмами. Был там и лён, и вишнёвая парча, и полотно, что шевелилось само по себе.

— Мы уже начали, — произнесла вторая. — Цвет выбрала твоя мать. Рукав — в вышивку. Обережные узоры по подолу, как положено.

На манекене висел заготовок платья: простая на первый взгляд форма, но каждая деталь пела о традиции. Тонкий крест по подолу. Ткань, в которую вплетён узор рода. Лента для волос — красная, с серебром. Символ принадлежности.

На голове манекена был венок из роз окутанных магией. Цветы были яркими, с глубоким цветом, а вниз от них, словно роса на паутине, спускались заговоренные обереги. В другой ситуации ей, Ясе, даже бы понравилось.

Он стояла смиренно, когда с неё снимали мерки, прикладывали ленты, гладили ткань по изгибу плеча. Никто не спрашивал, удобно ли. Нравится ли. Хочет ли она именно так.

Как будто платье было не нарядом, а ключом, который должен был подойти к замку. Часть ритуала. Часть передачи. Ей казалось, что ткань тянет плечи вниз. Не тяжестью, нет — значением. Как будто даже дыхнуть свободно в ней было нельзя, не спросив разрешения.

— Стань ровно, девочка, — негромко сказала ведьма с лупой. — Это не просто платье, это будущее твоё.

Яся подняла подбородок. И молчала.

Дверь зазвенела, и в ателье влетела Лада — будто весенний ветер. Щёки румяные, губы в улыбке.

— Ясь! Ну ты просто невеста из сказки, — пропела она, оббегая манекен. — Ты видела подол? Это же знак твоего ковена! И серебро! Ты только посмотри, как оно вшито — как паутинка. И узоры на рукавах! Все как в пророчестве.

Яся кивнула. Как в пророчестве. Именно.

— Мама говорит, что после свадьбы наш ковен укрепит позиции. Нас пригласят на Сбор ковенов, — продолжала Лада, не замечая, как сестра медленно стискивает пальцы на ткани. — А тебе повезло — Ратмир же... ну, ты понимаешь. Он не из простых ведьмаков.

— Да, действительно, — тихо отозвалась Яся.

Лада не услышала. Или сделала вид

Через полчаса появилась мать. Как всегда — с прямой спиной, ледяным голосом и взглядом, перед которым даже мастерицам становилось не по себе. Она оценила платье молча, обойдя манекен по кругу.

— Всё как положено, — наконец сказала. — Ты будешь достойной. Осталось только не испортить.

— Испортить? — переспросила Яся.

— Неправильным поведением, — ответила мать. — Слишком громкий смех. Неуместные прогулки. Разговоры не с теми. Отныне ты — лицо будущего союза. И тебе следует быть той, кого ковен Залесья хочет видеть.

Яся почувствовала на себе всю тяжесть маминых слов. Она была просто товаром, в котором мать видела лишь выгоду для ковена. Конечно, Яся понимала как важно усиление и союзы в их мире, но Лида с большим удовольствием решила бы на замужество. Яся видела, как горят её глаза, когда она говорит о Ратмире.

Они шли по замшелой аллее, мощёной гладким камнем. Деревья по обе стороны тропы гнулись под ветром, будто слушали. Вдалеке уже мерцал портал — тонкая, сияющая арка между мирами, за которой начинался обычный Минск: без магии, с шумом улиц и каплями дождя на асфальте.

Яся шла чуть позади матери, стараясь не цепляться платьем за мокрые ветки. Внутри у неё глухо билось: ещё немного — и снова лавка, ещё немного — и можно будет дышать свободно, хотя бы на день...

— Лада была бы куда более благодарной, — произнесла мать, даже не оглянувшись. — Она понимает, что честь ковена — не игрушка. А ты всё ещё цепляешься за детские привычки.

— Я не... — начала Яся, но голос дрогнул, и она осеклась.

Слова легли тяжело, как мокрый плащ. Яся понимала — это не просто упрёк. Это — приговор.

Она подняла взгляд. Портал уже близко. Он мерцал мягким светом, будто приглашал. Но шаг вперёд давался с трудом. Не от усталости — от осознания: по ту сторону всё будет по-другому. Теперь она уже не Яся из лавки. Теперь — невеста Ратмира.

И всё же, набравшись храбрости, она тихо спросила:

— Мама... можно я сперва закончу дела в магазине? Приведу всё в порядок. Проститься хотя бы...

Мать остановилась, обернулась и посмотрела на неё, как смотрят на сломавшуюся вещь, и покачала головой.

— Есения, — тяжело вздохнула она, — Это больше не имеет значения. У тебя есть новая роль. Всё остальное — прошлое.

Маргарита исчезла в свете портала, даже не обернувшись. Яся стояла перед аркой ещё секунду — потом шагнула вперёд, но не вслед за матерью.

Она свернула вбок, в старый проход, что вёл к иному portalу. Не такому официальному, как у Совета, а личному, семейному — их ковен проложил его давно, на всякий случай. Магия там была слабее, но вполне пригодна. Яся давно знала этот путь. Иногда, чтобы побыть одна, она возвращалась им в реальность — мимо глаз. Мимо приказов.

Минск встретил её влажным воздухом и шумом трамваев. Улицы были те же, но всё казалось каким-то другим, будто она смотрела на город сквозь стекло.

Когда лавка показалась за углом, Яся замедлила шаг. За витриной копошилась фигура в знакомом светлом свитере. Лада.

Конечно. Уже хозяйничает.

Яся остановилась, не зная, зайти ли. Но потом просто толкнула дверь. Звон колокольчика прозвучал особенно звонко, и Лада оглянулась:

— Мама сказала, ты домой пошла.

— Зашла за вещами, — спокойно ответила Яся, проходя к подсобке. — Колода осталась и амулет для старушки с туманными сновидениями.

Лада не спорила. Но скользнула взглядом — внимательным, как у птицы, охраняющей гнездо. Именно в этот момент дверь открылась, пропуская свежий воздух и... Артура.

— Добрый день, — он улыбнулся, немного сбивчиво. В руках — блокнот, а в глазах растерянность. — Извините, если не вовремя...

Яся подняла глаза. От неожиданности у неё дрогнули пальцы, и маленький мешочек с лавандой выскользнул из рук.

— Ничего, — ответила она, поднимая его. — Что-то случилось?

— Да нет, не совсем. Просто... мы начали работы. И вы не могли бы передать хозяйке лавки, чтобы окна с той стороны пока не открывали? Там... шумно. И может быть пыль.

— Учту, — кивнула Яся. — Спасибо, что предупредили.

— Я бы мог скинуть точные дни, когда у нас бурильщики. Ну, чтобы вы заранее знали.

— Оставьте номер, — она взяла листок, — передам.

Он улыбнулся:

— Спасибо. Вы ведь Яся? Не узнал сразу.

Она прищурилась:

— Счастливой буду, раз не узнал.

— А, — Артур запнулся, — Просто имя красивое. И редкое

— И вполне рабочее, — она спрятала лист с номером в карман. — Спасибо ещё раз.

Он уже развернулся, как вдруг столкнулся взглядом с Ладой. Та изучала его с подозрением.

— Ну, я пошёл, — сказал он. — Удачи... с витриной.

Когда за ним закрылась дверь, в лавке повисла тишина.

— Ты с ним флиртовала? — ядовито спросила Лада.

— Я с ним говорила, — спокойно ответила Яся. — По делу.

— У тебя обручение через две недели.

— Я вещи свои пришла забрать. И если ты закончила читать мораль — позволь мне это сделать.

Она подошла к прилавку и вытащила из кармана листок с номером. Бумага была тонкая, чуть влажная от её пальцев. Несколько секунд она просто смотрела на него, будто на улицу через мутное стекло.

В этом номере не было судьбы, не было ковена, пророчества, обручения. Просто цифры. Просто человек, который извинился за шум.

Яся улыбнулась — еле заметно. И аккуратно положила бумажку между страницами блокнота. Не как реликвию. Но, и не как мусор.

Просто... на всякий случай.

Глава 3

Бабушка не торопилась заканчивать свою лекцию, и Яся уже успела заскучать. Ей приходилось сидеть с ровной спиной, положив ладони на колени, как и подобает приличной ведьме.

— Женщина — это корень. А корень должен быть в земле, — говорила бабушка Рая, аккуратно перебирая свои вышитые рушники. — Муж — как дерево: ствол, крона, шум. А ты — должна держать его крепко, в тишине. Хранить. Готовить. Не перечить.

Яся подавила тяжелый вздох. Ей было некомфортно от этого разговора, и даже страшно от того, что будет ждать её в браке.

— А если муж скажет не колдовать — и не колдуй, — продолжала бабушка. — В доме ведьма — как огонь в печи: согреет, но если не под контролем — сожжёт.

Внутри Яси все свернулось клубком. Под каким ещё контролем? Она что, дите малое?

— Ты ведь первая дочь, — напомнила бабушка. — На тебе теперь честь рода. А с Ратмиром не спорь. Он — муж. Значит, старший.

Есения опустила взгляд. Ни одной эмоции не должно было отразиться на лице. Ни злости, ни горечи, ни бунта.

Спикеры менялись час за часом. Бабушка, тётя, и даже соседки. Все спешили дать совет молодой невесте, поделиться опытом. Изредка на пороге гостиной появлялась Маргарита, окидывала Ясю холодным взглядом, и удалялась чтобы не мешать образовательному процессу.

На столе дымился чай с малиной. Запах был уютным, знакомым с детства — но теперь вызывал только лёгкое головокружение. Яся украдкой смотрела в окно, бессовестно пропуская половину сказанного. Душа рвалась наружу, в мир. И подгадав момент когда лекции закончились, Яся подошла к маме.

— Мне нужно зайти в лавку, — сказала она ровным тоном. — Там травы, заказ для одной постоянной клиентки. Я обещала.

Маргарита окинула дочь недовольным взглядом.

— Ты должна была передать дела Ладе. У тебя сейчас хватает других забот.

— Я целое утро была прилежной ученицей, и дочерью. Неужели ты не можешь пойти мне на уступки? — Маргарита поджала губы, но кивнула.

— Только недолго.

— Конечно, — кивнула Яся. А внутри чуть не заплакала от того, как легко лгала.

И хотя ноги уже несли её к выходу, внутри что-то сжалось. Она всё ещё была частью этого дома. Всё ещё — чья-то дочь. Но сегодня... сегодня впервые ощутила: это может измениться.

Минск встретил Ясю солнцем и зелёной травой, будто и сам город радовался, что она смогла вырваться. Девушка неспешно брела по улицам, увлечённо рассматривая всё вокруг. В не магическом Минске она бывала не так часто — в ковене это не приветствовалось. Но Ясе всегда казалось, что именно у этого города особенная душа. Иногда ей думалось, что жители и сами не замечают, насколько прекрасен город.

Она шла без цели, просто позволяя ногам нести её вперёд. Кафе на углу, вывеска антикварной лавки, мокрый от росы газон. Люди смеялись, торопились, несли кофе в бумажных стаканах — как будто на экране старого фильма. И всё это было... настоящим. Без ритуалов. Без обрядов. Без тяжести Пророчества и предназначений.

В какой-то момент Яся оказалась на площади, где строители возились у фасада старого здания. Она уже собиралась свернуть в сторону, как услышала знакомый голос:

— Под лестницей не ходите! Она шатаётся! — крикнул кто-то сверху.

Яся подняла взгляд. На лесах стоял Артур — в жилетке, с карандашом за ухом, и в пыли. Он заметил её и, удивлённо замерев на полсекунды, спустился вниз.

— Привет, — сказал он, вытирая руки о штаны. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Я тоже, — честно призналась она. — Просто... гуляла.

Артур улыбнулся.

— Гулять — это правильное решение. Особенно с таким лицом, — он махнул в сторону кафе, — хочешь кофе? На свежем воздухе. Обещаю, без лишних вопросов.

Яся колебалась. Это было неправильно. Но в груди что-то откликнулось — очень тихо, очень упрямо. Как голос, который долго заставляли молчать.

— Хочу, — ответила она. И впервые за долгое время — улыбнулась.

В небольшой кофейне почти не было людей, и Артур с Ясей устроились на террасе. Он, присаживаясь, слегка встряхнул куртку:

— Сколько там у них этой пыли в подвале? Я, кажется, уже с ней сроднился.

Яся улыбнулась, немного смущённая — то ли его прямоотой, то ли тем, как непривычно было сидеть вот так, просто с мужчиной, вне Ковена.

— Всё зависит от того, где искать, — сказала она уклончиво. — Пыль, как и ценности, обычно в самых укромных углах.

— Мудро, — кивнул Артур. — Ты там в той лавке работаешь?

— Давно, — тихо ответила Яся. — С детства, можно сказать.

— И не устала? Вечно среди старых вещей?

Яся задумалась. Ответ пришёл не сразу.

— Устала? Нет. Иногда... хочется просто выйти за порог и не думать, что надо возвращаться.

Он на секунду посмотрел на неё внимательно. Потом кивнул, будто понял — не дословно, но по-своему.

— Говорят, самые интересные вещи случаются, когда выходишь за пределы привычного.

Она чуть склонила голову. Не в знак согласия. Скорее, чтобы не пришлось встречаться с его взглядом.

— Спасибо за кофе, — сказала она, вставая. — Мне пора.

— Конечно, — Артур тоже поднялся. — Рад был поболтать. Надеюсь, мы ещё пересечёмся.

— Возможно, — Яся чуть улыбнулась.

Они разошлись в разные стороны, и никто не оборнулся.

Яся торопливо спешила по улицам домой. Высотки сменились частным сектором, и вдалеке показался дом Ковена. С первого взгляда он был всего лишь неприметным кирпичным домиком, но внутри пространство было расширено с помощью магии, чтобы вместить большую семью.

На пороге она наткнулась на мать.

Маргарита стояла прямо у двери, будто ждала.

— Где ты была? — голос её прозвучал спокойно, но не обыденно. Слишком ровно, чтобы быть настоящим.

— Отнесла заказ. И... зашла в магазин, проверить фильтры на витрине, — Яся пыталась сохранить невозмутимость. — Всё в порядке.

Маргарита не сдвинулась с места.

— Ты лжёшь.

— Я...

— На тебе чужой запах. И не только травы. Воздух улиц, кофе, чужая одежда. — Мать шагнула ближе. — Ты думаешь, насмешишь судьбу? Думаешь, она не чувствует, когда от неё бегут?

Яся сжала пальцы в кулаки.

— Это было просто...

— ...предательство, — закончила Маргарита. — Пока ты наша — ты следуешь воле Ковена. И если не можешь — мы напомним.

— Мам...

— До дня обручения ты не покинешь этот дом. Ни шага. Ни вздоха за пределом. Все свои домыслы держи в себе. Разговоры только по делу.

Яся будто осела внутрь себя. Хотела спорить, но язык налился свинцом. Глаза Маргариты были как зеркало — холодные, строгие, не оставлявшие выхода.

— Поднимайся в комнату, — сказала мать. — Больше ты не девочка. Пора научиться быть ведьмой. Такой, как надо, — Яся не ответила, лишь покорно склонила голову и поднялась к себе.

На двери комнаты почти сразу вспыхнули охранные заклятья, которые гарантированно не выпустят её без разрешения Верховной.

Яся сидела на подоконнике, укутавшись в старый шерстяной плед. За окном постепенно темнело, город растворялся в синеве и огнях фонарей. Тишина дома давила особенно — не уютная, родная, а настороженная. Как будто стены подслушивали.

В кармане вибрировал телефон. Яся вздрогнула. Достав, увидела сообщение от незнакомого номера:

"Надеюсь, ты добралась без приключений. Приятно было поболтать"

Она уставилась в экран, не зная, как реагировать. Просто сообщение. Простые слова. Но почему-то от них в груди потеплело. Как будто кто-то зажёл свечу посреди ледяной комнаты.

Она почти улыбнулась, но тут за дверью послышались шаги. Быстро заблокировав экран, Яся отложила телефон и уставилась в темноту.

Внутри всё гудело от мыслей. Она не знала, что чувствует — только что, впервые за день, не чувствовала себя вещью.

На следующее утро всё началось с трав.

— Сегодня ты выучишь закрепляющий заговор для уюта, — сообщила бабушка Рая, усаживая Ясю перед горкой засушенных листьев. — Его нужно нашёптывать на дверные косяки, на простыни и на суп. Чтобы муж возвращался домой, чтобы в доме не было ссор. Чтобы всё было как надо.

Яся пыталась запомнить ритм, вслушивалась в слова, но каждый раз что-то сбивалось. Трава в пальцах крошилась в пыль.

— Ты слишком напряжена, — вздохнула тётя Дарья, — будто это пытка, а не благословение.

"Может, потому что это и есть пытка?" — проскользнула мысль, но Яся не позволила себе даже движения лица.

— Потерпишь, — сказала бабушка. — Для любви нужно подчинение. Без жертвы нет брака. Вот у меня дед твой, вон как орал... А я терпела. Потому и вместе прожили.

Яся кивнула. Только внутри росло чувство, будто её саму оборачивают в травы и ленты, чтобы сохранить — не для неё, а для кого-то.

Позже, когда она попыталась наложить заговор — её ладони вспыхнули жаром. Слишком сильный отклик. Слишком личный. Её магия отторгала слова, которые были чужими.

И когда тётя спросила, почему не сработало, Яся солгала:

— Наверное, ещё не привыкла. Надо практиковать.

Она не сказала, что магия не хочет быть для кого-то. Что тело сопротивляется. Что внутри звучит голос, тихий, но её: «Ты не для того родилась, чтобы гаснуть».

Ясю оставили в покое лишь поздним вечером. Девушка с удовольствием осталась одна, пусть и в запертой комнате. Телефон лежал под подушкой, завернутый в вышитый платочек — заговорённый от посягательств и любопытных глаз. Мать велела отключать всю «технику» на ночь. Но Яся — не отключала.

Экран вспыхнул, и не доставая телефон из платка Яся взяла его в руки:

Артур:

"Сегодня на стройке один рабочий прицепил подкову на удачу вверх рогами. Чуть ли не весь день обсуждали, как правильно. Ты как эксперт — снизу или сверху?"

Яся улыбнулась впервые за день по-настоящему. Тихо, чуть смущённо. Она не ожидала сообщения, но ждала его. И это было страшно приятно.

"Если для красоты — вверх. Если от сглаза — вниз. Так бабушка говорит. Она у меня все знает"

Ответ пришёл быстро.

Артур :

«Передай ей мою благодарность. Надо будет пригласить на экскурсию по объекту.»

Яся прикрыла рот ладонью, чтобы не хихикнуть в голос.

«Только если объект выдержит её прицельный взгляд.»

Пальцы легко скользили по экрану. В эти моменты она будто выскальзывала из тесной клеточки — становилась собой, той, что могла смеяться, говорить ерунду, не бояться осуждения за «неподобающие» темы.

Они переписывались ещё немного. О погоде. О кофейне с самыми отвратительными круассанами в городе. О том, как шумят коты во дворе. И это было... счастьем.

Перед сном Яся спрятала телефон, как тайный амулет.

И подумала, что когда ты можешь быть собой — это уже немного магия.

Глава 4

Утро в доме ковена выдалось тихим. Яся с непроходящей улыбкой вышла из комнаты, и спустилась к завтраку, даже не опоздав. От матери не укрылось ее позитивное расположение духа.

— Ты сегодня удивительно свежа, — заметила Маргарита, скользнув взглядом по дочери, будто пытаясь определить, не прикоснулась ли тут чужая магия.

— Просто хорошее утро, — ответила Яся, поправляя прядь за ухо. Она не вралась: после нескольких ночей переписки с Артуром и тех полузабытых эмоций, что он пробуждал, мир казался чуть теплее.

Маргарита лишь хмыкнула, ее радовало, что дочь наконец-то перестала сопротивляться судьбе.

— Не задерживайся, тебя уже ждут, — бросила мать, и вышла с кухни.

Яся напевала какую-то незатейливую песню, пока готовила завтрак. Ей казалось, словно даже солнце сегодня светит ярче. Артур оказался очень интересным собеседником. Они говорили обо всём и ни о чём, легко и свободно — так, как ей ещё никогда не удавалось. А когда Ясю уже начало клонить в сон, она запрятала телефон подальше, чтобы никто ненароком на него не наткнулся.

Наступило утро нового дня, и ковен не ждал, пока Яся окончательно проснётся. В обязанностях будущей жены поблажек не существовало.

В большой комнате шло занятие. На столе лежали заготовки рунных узоров, амулеты и тонкие полоски бересты. Яся привычно села на своё место, заправив рукава и принявшись за работу.

— Сегодня попробуешь закрепить оберег для здоровья, — сказала бабушка Рая, пододвигая ей деревянную дощечку. — Узоры простые, ты уже сто раз их делала.

Яся кивнула и принялась плести. Первые линии получились криво — как будто руки не слушались. Она остановилась, выдохнула и начала заново. Но и вторая попытка была далека от идеала: рунный завиток искривился, потемнел и начал дымиться.

— Есения, — голос Маргариты был сухим, — ты в порядке?

— Просто... не выпалась, — попыталась отшутиться Яся, заливая ошибку целебной солью.

Мать пристально посмотрела на неё.

— Странно. А по тебе не скажешь. Розовая, как цветущая яблоня. Неужели бессонница?

— Больше чая с мятой — и всё пройдёт, — вмешалась бабушка, но Маргарита не отводила взгляда.

— Что бы это ни было, — сказала она, — я надеюсь, это не влияет на твою готовность к помолвке. Иначе придётся напомнить тебе, что значит служить не себе, а ковену.

Яся лишь опустила глаза, сжав ладони под столом. Её пальцы ещё дрожали от недавнего сбоя, но в груди всё ещё жила та самая тёплая искра.

Ей не хотелось жертвовать ею ради чужих ожиданий. Но сейчас — она молчала.

Окончательно настроение Яси испортилось когда за неё взялась старшая тётка.

— Ниже, Есения. Спина прямая, взгляд в пол. Ты — благословение, но не сверкающий клинок.

Тётка Магда, мерила шагами гостиную. Перед ней Яся — в строгом платье, с заколотыми волосами и скованным лицом.

— А теперь представь, что перед тобой будущая свекровь. Склоняешься не как будто у тебя спина заболела, а с уважением. Поклон должен идти от сердца, но сердце у тебя — высоко. Ниже.

Яся вздохнула, склонилась глубже. В позвоночнике неприятно хрустнуло.

— А теперь улыбайся. Не как будто хочешь убить её, а как будто гордишься, что твой союз укрепит два древних ковена.

Яся подняла глаза.

— А если не горжусь?

Комната замерла. Где-то на фоне тикали старинные часы, и их звон показался громче, чем следовало.

— Тогда — притворяйся, — отчеканила тётка. — У хорошей жены есть одна главная добродетель. Знаешь какая?

— Преданность? — предположила Яся, неуверенно.

— Нет, — ответила Магда. — Терпение.

Она подошла ближе, аккуратно поправила пояс Ясиного платья.

— Ты должна стать зеркалом. В котором мужчина видит самого себя — великого, нужного, достойного. И никогда — угрозу.

Запах тушёной капусты с клюквой вперемишку с копчёной рыбой стоял в воздухе, будто густой туман. За длинным дубовым столом сидела вся семья: бабушка Рая заняла почётное место у печи, по одну сторону — мать, строгая и молчаливая, по другую — тётки, Лада, несколько двоюродных сестёр, чьи имена Яся путала даже в мыслях.

— Я уже выбрала себе платье! — воскликнула Лада, хрустя квашеной редькой. — Белое, с голубой вышивкой. Если Яся будет в тёплых тонах, мы как раз не перебьём друг друга!

— Ты-то не перебьёшь, — усмехнулась тётка Магда. — А вот Ясе ещё учиться и учиться.

— Я стараюсь, — ровным голосом ответила Есения, перекладывая кусочек хлеба с одного края тарелки на другой.

— Старайся лучше, — подала голос бабушка. — До свадьбы осталась неделя, а ты до сих пор не выучила заклинание соединения сосудов. Как ты воду подавать будешь мужу? Руками?

— Можно и кружкой, — не удержалась Яся. Но тут же пожалела — мать молча взглянула на неё, и это было хуже, чем окрик.

Тётки загудели, словно пчелиный рой, каждая — со своим советом, упрёком или воспоминанием о собственном послушании в молодости.

Яся кивала, улыбалась, делала вид, что слушает. Но мыслями уже давно была в своей комнате. Там, в тишине. Там, где под подушкой — спрятанный телефон. И короткие, простые сообщения, в которых не требовалось правильно кланяться и молчать.

Она снова покосилась на часы.

«Ещё чуть-чуть», — шепнула себе.

— Надеюсь, ты не забыла, что после ужина у нас молитва перед портретами прародителей, — сухо добавила мать, будто прочитала её мысли.

Яся опустила глаза. Она уже была где-то между строк.

Слова молитвы путались, язык спотыкался о витиеватые формулы, как ноги о корни в лесу. За каждое неверное ударение — колкий взгляд бабушки. За затянутое молчание — тяжёлое дыхание матери. Она знала: они слышат не только голос, но и тишину между словами. И всё, чего ей хотелось в тот миг — тишины настоящей, а не надзирательской.

Яся легла, не раздеваясь. Телефон — спрятанный под подушкой, как когда-то дневник с мечтами — отозвался короткой вибрацией.

Артур:

"Ты как? Сегодняшний день не был слишком тяжёлым?"

Яся невольно улыбнулась. Слишком. Но от этого — только теплее.

"Он был... правильным. Настолько, что захотелось стать неправильной"

Ответ пришёл почти сразу.

Артур:

«Ты интересная».

Она прикусила губу, не зная — смеяться или прятаться под одеяло с головой.

"А ты... всегда так говоришь с малознакомыми девушками?"

Артур:

"Только с теми, кто отвечает не «нормально», когда их спрашивают, как прошёл день"

Она уже хотела написать что-то остроумное, как в дверь негромко постучали. Яся едва успела спрятать телефон под подушку, когда в комнату вошла мать. В руках у неё была аккуратная коробка, перевязанная алой лентой.

— Это прислал Ратмир, — сказала она без эмоций. — Подарок для невесты. По традиции.

— Спасибо, — тихо ответила Яся, принимая свёрток. Внутри — ожерелье с темнеющими камнями. Символ верности и принадлежности.

— Ты должна быть благодарна, — добавила мать, как бы между прочим. — Ратмир — достойный союз. Не все получают такой шанс.

Яся молча кивнула. Ложь и спор тут ни к чему.

Когда мать ушла, Яся не открыла коробку снова. Вместо этого вернула телефон в ладони — он всё ещё хранил тепло недосказанного.

И сердце, чуть дрогнув, подумало: а если бы могла выбирать сама...

Телефон лежал в руке, как камень. Яся медлила, будто каждое движение могло спровоцировать бурю. На экране мигало сообщение:

Артур:

"Может, встретимся на днях? Я знаю одно тихое место."

Пальцы дрогнули над клавиатурой. Сердце стучало в висках. Она уже видела: как легко он улыбается, как его голос мягко обволакивает. И как страшно становится — не от него, а от самой себя.

"Это не лучшая идея..."

Ответ не заставил себя ждать.

Артур:

"Понимаю. Всё хорошо. Если передумаешь, я буду здесь"

Яся выключила экран, отложила телефон и села на подоконник, обхватив колени. На улице шел дождь. Медленно, размеренно. Как её мысли. Стекло дрожало под каплями, как её уверенность под чужими приказами.

С утра Яся не давали продыху. Бабушка где-то отыскала указку, и нещадно стучала Ясе по спине, когда так недостаточно низко кланялась. Заклинания "для уюта", от которых немели пальцы категорически не давались. Тренировки "сдержанных эмоций" лишь злили, а Лада, что весело щебетала о свадьбе раздражала с каждым часом все сильнее. Тётки поправляли её осанку, бабушка шептала, как важно быть тихой, как шёпот в храме. А вечером мать вручила ей украшение с серебряной печатью рода — "чтобы не забывала, кто она". Она закрепила широкую ленту с серебряным гербом на шее дочери, и Ясе показалось, что на её надели ошейник.

Когда она наконец осталась одна, руки дрожали. Не от страха, от усталости быть послушной.

Яся смотрела на телефон, как на единственное, что она ещё могла быть собой.

Пальцы не дрогнули когда она напечатала:

"Если предложение ещё в силе, я не против встретиться".

Телефон лежал на груди, будто пульсировал вместе с её сердцем. Ответ пришёл быстро:
Артур:

"Через двадцать минут. Возле ратуши. Я возьму кофе."

Яся села, прислушалась. В доме всё было тихо. Слишком. Как перед бурей. Она поднялась, подошла к двери и, как и ожидала, почувствовала жжение в пальцах — чары всё ещё держали проход. Спуститься по лестнице не получалось. Значит, остаётся окно, на которое непредусмотрительно чары не наложили.

Она распахнула его — привычным движением, которым открывала створки с самого детства. Холодный воздух коснулся кожи, пробежался по щекам. На улице начинался закат, и небо сияло размытым янтарём.

Под подоконником рос старый калины куст — плотный, раскидистый. Яся знала: если прыгнуть осторожно, можно приземлиться почти без шума. Осталось только переодеться.

Она стянула с себя ленту с гербом — сдёрнула, как горящий ошейник. Пальцы дрожали, но не от страха, а от странного восторга. Она переделалась в тёмный кардиган, спрятала волосы под капюшон и, босиком, чтобы не стучать каблуками, подобралась к окну.

Прыжок был короткий, будто выдох. Земля встретила мягко. Она приземлилась на колени, быстро поднялась, отряхнулась и, не оборачиваясь, побежала по переулку.

У выхода из переулка она на секунду оглянулась: дом остался в темноте, строгий, безжизненный. Лишь в одном окне мелькнул огонёк — может, свеча, может, бдительный взгляд. Но она уже шагала прочь, по направлению к ратуши, где её ждали — не как «дочь», не как «невесту», а просто Ясю.

Артур уже ждал. Он стоял у старого фонаря, прислонившись к статуе губернаторской коляски, с двумя бумажными стаканчиками кофе. На фоне вечернего неба возвышался кафедральный собор, будто вырезанный из слоновой кости, а тёплый свет уличных ламп растекался золотистыми пятнами по мокрой брусчатке.

Увидев Ясю, он сразу выпрямился.

— Ты пришла, — сказал он, сдержанно, но в голосе мелькнула искренняя радость.

— А ты сомневался? — Яся старалась говорить легко, но в груди всё ещё пульсировал страх. Не от него. От того, что она действительно пришла.

— Немного, — признался Артур и протянул ей один из стаканчиков. — Кофе с лавандой. Не знаю, любишь ли, но звучит вкусно.

Она взяла, пальцы почти не дрожали.

— Никогда не пробовала.

— Сегодня хороший вечер для экспериментов.

Они пошли вдоль улицы, в сторону собора. В воздухе пахло камнем, летом и чуть-чуть — магией. Не той, что бьёт с полок лавки, а тихой, городской. Та, что витает в узких улицах старого Минска.

— Здесь красиво, — проговорила Яся, глядя вверх. — И на удивление тихо.

— И немного нереально, — добавил Артур. — Как будто мы в книге, а за поворотом начнётся другая глава.

Она посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— А ты романтик.

Он чуть смутился, отвёл взгляд.

— Иногда. Архитектором без этого быть трудно. Нам же нужно не просто стены ставить — а мечты в них встраивать.

— У тебя хорошо получается. Ставит мечты в стены...

Они остановились на краю площади, откуда открывался вид на огни города. На проспекте блеснул торговый центр, а с набережной долетала приглушенная музыка. Летний Минск редко погружался в тишину.

Яся сделала глоток кофе. Лаванда и горечь. Тепло и немного странно. Как и этот вечер.
— Ты выглядишь уставшей, — тихо сказал Артур. — Тяжелый день?

Она не сразу ответила. Потом просто кивнула.

— Но ты всё равно пришла, — он посмотрел ей в глаза. — Спасибо.

Она не знала, что ответить. И, может, не нужно было. Потому что в этот миг между ними повисла не тишина — понимание, которого Ясе так не хватало.

— От меня требуют того, чего я не хочу делать. И нет права отказаться, — тихо сказала Яся, глядя как духи резвятся в воздухе. Один из них замер, уставился на девушку, но она лишь слегка качнула головой, мол, не сейчас.

Они медленно шли по улице, никуда не спеша. Вокруг редели огни, город будто укутывался в шаль ночи. Где-то вдалеке звонили трамваи, как отблеск чужого мира, к которому Яся сейчас не принадлежала.

Она чувствовала себя странно легко — будто тяжёлый пояс с талии сняли. Будто можно дышать.

Дух, что всё это время тихо витал рядом, вдруг замер над ними. В его крохотных, едва различимых руках заискрился свет — мягкий, пульсирующий, как дыхание свечи. Он тронул воздух, и над головами Яси и Артура разлетелось тонкое сияние — не ослепительное, а почти неуловимое, как снежинки в лунном свете.

Артур замер, поднял глаза.

— Ты это видела? — спросил он, неуверенно оглядываясь.

— Нет, — мягко улыбнулась Яся. — Может тебе показалось.

Он усмехнулся, как будто сомневался, но не стал спорить. Просто пошёл рядом, ближе, чем раньше.

И дух, довольный, растаял, будто знал: сделал что-то важное.

Домой она пробралась незамеченной, хотя уже готовилась к тому, что ковен подняли по тревоге. Забравшись в постель Яся впервые за последнее время засыпала с улыбкой. Не думая о пророчестве, ковене, и будущей свадьбе.

Глава 5

К Ясиному ужасу — или, быть может, к счастью, хотя она не была в этом уверена — их с Артуром встречи стали регулярными. Днём она была идеальной дочерью и невестой, даже заклинания, которые с таким упорством её заставляли учить, стали получаться сразу. Только вот, думала она не о будущем муже, а о мужчине, к которому сбегала под покровом ночи.

В Минске стояла тёплая ночь. Воздух пах липой и раскалённым асфальтом, но под ногами прохладой отдавал камень. Есения неслышно вышла из переулочка, кутаясь в капюшон, как в заклинание. Чары слежения, что наложила бабушка, она сняла заранее — старым, забытым методом, которому её научила ещё прапрабабка, «на всякий случай».

На перекрёстке её уже ждали.

— Ты всё-таки снова пришла, — Артур улыбнулся так, будто встречал старую подругу.

— Я почти не пришла, — вздохнула Яся. — У меня был спор с совестью. Она проиграла.

Они пошли рядом, шаг в шаг. Город дремал, тени сплетались между витринами, и казалось, Минск выдохнул. Улицы пустели не из-за времени суток, а будто давали им место побыть только вдвоем.

— Ты всегда такая загадочная? — спросил Артур. — Или только со мной?

— Я не загадочная, — отозвалась Яся, — просто я... не отсюда.

Он нахмурился, но не стал расспрашивать. Уважительно промолчал, как будто услышал больше, чем она сказала.

Они дошли до ратуши. Белое здание сияло в лунном свете, и на мгновение Яся почувствовала себя неведомо счастливой без причины. Просто потому, что можно вот так, просто быть.

— Тебе нравится здесь? — Артур присел на скамью, пригладив волосы, спутанные июльским ветром.

— Здесь тихо. И... не требует от меня быть кем-то.

Она присела рядом. Небо нависло над ними чашей, а фонари жужжали, как большие светлячки.

— У тебя в глазах — вечная осень, — вдруг сказал Артур. — Красивая, но будто прощальная.

Яся усмехнулась:

— Возможно, потому что я всё время прощаюсь сама с собой. И очень скоро попрощаюсь и с тобой. — Артур сел напротив, заглядывая ей в глаза.

— Я не знаю, что с тобой происходит, и почему ты молчишь. Но, Яся... — он взял её за руку, — нет ничего, что нельзя было бы решить. Не вдвоём.

— Не в этот раз, — грустно улыбнулась Яся, — Пойдем, мне пора возвращаться.

— Как всегда, — проворчал Артур, — на самом интересном месте. Девушка загадка.

Утро в доме ковена пахло полыньёй и печёными яблоками. Внизу уже сустились: накрывали стол, раскладывали обереги, репетировали церемонию встречи гостей. Через два дня — помолвка, и всё должно выглядеть безупречно. Даже воздух казался подчинённым ритуалу.

Яся сидела перед зеркалом, пока тётя натягивала на неё очередной обрядовый элемент — серебристую ленту с гравировкой рода. Лента впивалась в кожу, как напоминание: всё, что от неё требуют быть символом, не человеком.

— Красиво, — хмыкнула Лада, проходя мимо. — Вот видишь, когда перестаёшь сопротивляться — всё идёт куда проще. Ты даже спокойнее стала. Прямо как надо.

Яся не ответила. В отражении была не она, а безупречная фигура из ритуала. Лицо гладкое и пустое, как маска. Настоящая Яся пряталась где-то в письмах, в отблесках луны над Минском и в сообщениях, что шептали о другой жизни.

— Мама велела тебе следить за подачей блюд, — добавила Лада, усаживаясь на край дивана. — Всё должно быть строго по порядку. Ратмир не любит сумбур. Он... взрослый, сдержанный.

Яся вспомнила, как Артур смеялся над перекошенной вывеской кафе. Как не боялся показаться нелепым. Как смотрел на неё не как на дочь ковена, а просто как на Ясю.

— Ты ведь теперь готова, да? — с любопытством спросила Лада. — Страшно, но судьба знает лучше.

Ответа не последовало. Только лёгкое движение пальцев по подолу, словно Ясе хотелось сорвать с себя это платье вместе с чужими ожиданиями.

Когда Лада ушла, тётя сухо сказала:

— Вниз иди. Швей ждут. Платье готово.

Комната для примерки утопала в свету. Платье висело на подвесе, будто внутри него дышала сама магия рода. Ткань была тонкая, тяжёлая, а серебро будто живое.

— Прилегло отлично, — сказала швея, расправляя складки. — Как будто под тебя ткали. Красиво. Безупречно. И чуждо.

Платье село точно по фигуре, и Яся вдруг поняла: всё, что ей надевают, это не одежда. Это клеймо. Каждый стежок, как напоминание, что она принадлежит не себе.

Она стояла перед зеркалом, и с каждой секундой в груди росла пустота. Хотелось вдохнуть, но не получалось. Казалось, воздух в доме тоже благословлён на повиновение.

Когда церемония закончилась, и дом стих, Яся долго стояла у окна. Внизу зажглись фонари, и Минск — мокрый, серый, живой — будто звал её по имени.

«Ещё немного, — подумала она, — и я задохнусь».

Она сняла ленту с гербом, бросила на стол и вышла из комнаты.

Минск в это время казался другим, был тише, старше. Яся стояла у края набережной, глядя, как отражения фонарей дрожат в воде, словно заклинания, не успевшие обрести форму.

— Ты пришла, — Артур появился за её спиной, как всегда бесшумно. — Я думал, после той ночи... ты не решишься.

— Я тоже думала, что не решусь, — выдохнула она. — Но... я устала бояться.

Он не стал спрашивать, чего именно. Вместо этого молча протянул руку, не для притяжения, а просто чтобы быть рядом. Она вложила свою ладонь в его — и удивилась, как естественно это ощущается.

Они прошли немного вдоль Немиги. Огни города отражались в воде, а город дышал мягко. Свет фонарей обнимал их с двух сторон, как охрана неведомого мира.

— Иногда, — сказал Артур, глядя вперёд, — мне кажется, будто ты принадлежишь какому-то другому времени. Или месту. И тебя тут просто... случайно оставили.

— А если я и правда не отсюда? — Яся взглянула на него. — Ты бы испугался?

— Нет. Я бы постарался остаться с тобой — куда бы ты ни принадлежала.

Она вдруг остановилась. Слова, что вертелись на языке, рассыпались, как пепел.

Ветер поднял её волосы и зацепил подол платья. Артур, заметив это движение, тоже замер. Мир будто сжался до одного мгновения — до расстояния между их дыханиями.

И прежде чем она успела подумать, можно ли, — сделала шаг вперёд.

Поцелуй вышел неуверенным, как первый вдох после долгого сна. Тёплые пальцы, осторожное касание, дрожь. Это была дрожь не от холода, а от того, что нельзя, но слишком нужно.

Он не ответил сразу, будто проверял, действительно ли это происходит. А потом коснулся её губ. Мягко. Осторожно. Так, будто держал хрупкую тайну, которую нельзя выдать ни одному миру.

И в ту же секунду Пророчество вздрогнуло.

Магия, вживлённая в её кровь, ожила — сорвалась, как разъярённая птица. Воздух вокруг них стал плотным, в висках звенело, будто кто-то шептал из глубины Книги:

не положено... не положено...

Яся ощутила, как сеть заклинаний под кожей натянулась, пытаясь стянуть её обратно, — в рамки, в долг. Но она не позволила. Стиснула зубы, сжала кулаки — и держала эту магию, эту злую, родовую силу, как удерживают лавину голыми руками.

Хоть раз. Хоть раз — по-своему.

По телу пошёл дрожащий жар, сердце било заклинания изнутри, ломая швы мира.

Всё вокруг звенело: стекло, вода, воздух. Она чувствовала, как трещина проходит сквозь саму ткань Пророчества — и понимала: назад уже не будет.

Воздух дрожал, будто сам город слушал их. Пророчество сопротивлялось.

А Яся — стояла.

Когда их губы разомкнулись, тишина обрушилась на неё, как удар. Магия затихла, спряталась, но след остался — тёплый, пульсирующий, живой.

Она сделала шаг назад, как после бездны.

Поцелуй закончился.

А трещина — осталась.

И теперь она знала: этот мир держится только потому, что она ещё позволяет ему держаться.

— Яся, — Артур шагнул ближе, но она выставила руки вперёд.

— Я... Извини. Мне нельзя было. Мы не должны были.

— Есения, пожалуйста, не уходи... — но Яся его уже не слышала.

Она развернулась и поспешила по набережной, подальше от него, подальше от тех чувств, что прорвали защиту.

Она почти бежала.

Магический Минск словно стягивался к горлу: витрины темнели, духи прятались в щелях, даже воздух стал вязким, как ладан.

Город не просто молчал, он слушал и осуждал.

Под ногами хрустел гравий, отражения фонарей колыхались в лужах, и в каждом отблеске казалось — Книга смотрит.

Нарушено.

Она обогнула тупик, нырнула в переулок и только у самой двери остановилась. Прислонилась к прохладной стене, пытаясь выровнять дыхание.

Всё. Почти успела.

Но когда она опустила взгляд, то заметила — на пальцах всё ещё тлел тёплый след его ладони. Магия — едва видимая, золотистая, как пыльца под лунным светом. Она стиснула зубы, провела рукой, стирая слой за слоем, пока не осталось ничего.

Почти.

Но от тепла внутри не избавишься. Эмоция — не подпись, её не вычистишь. Она прижала ладонь к груди.

«Это была всего лишь встреча», — повторила про себя. — «Всего лишь ночь. Всего лишь ошибка».

И толкнула дверь.

Холл утонул в полумраке. Воздух стоял густой, неподвижный — будто дом задержал дыхание. Мать ждала её у лестницы. Яся не видела ее лица. Только силуэт, очерченный тусклым свечением лампы.

— Ты была не в своей комнате, — сказала Маргарита спокойно.

— Я...

— И ты была не одна.

Яся молчала. Не от страха, а от чувства, будто под кожу вшили лёд.

— Не пытайся отрицать. — Мать подошла ближе, и свет дрогнул. — Ты не смыла всё. Следы остались. Твоя магия дрожит, как после прикосновения. Аромат чужой энергии ещё висит в воздухе.

Пауза. Глухая, как удар сердца.

— Ты подвела семью, — сказала она наконец. — Завтра Совет будет собран. А до тех пор, из комнаты ни шагу.

В ее голосе не было злости, или крика. Только разочарование, острое, как нож.

— И отныне тебя будут охранять. Мы не допустим ещё одной слабости.

Дверь хлопнула. И дом, будто услышав приказ, замкнулся вокруг Яси: стены затянулись вязким светом, окна затуманились. Она осталась одна.

Без выхода и без надежды.

А где-то под сердцем — тонкая трещина ещё дышала.

Утро было глухим. Ни птиц, ни шагов, только звенящая тишина, как в доме, где бояться дышать. Яся сидела у зеркала, не касаясь гребня и не поправляя волосы. Её не будили. Просто в комнату вошли двое, без слов, и проводили до зала. Ни одна не заговорила. Ни одна не глянула в лицо.

В большой комнате собрались все. Мать в центре, в наряде из тяжёлого бархата. Бабушка с посеревшим от злости лицом. Тётки, Лада, даже пожилые ведьмы с дрожащими руками — все, кто был важен, все, кто имел голос.

Только Яся не имела.

— Есения, — начала мать. — Ты нарушила устав ковена.

Яся молчала. В зале гудело не воздухом, а напряжением, осуждением, ожиданием покаяния.

— Ты знала, что не имеешь права покидать дом. Знала, что не имеешь права на встречи с посторонними. Тем более — мужчинами.

"Словно я не человек."

— Ты поставила под угрозу союз, важность которого выходит за рамки твоих желаний, — продолжала мать. — Ты могла сорвать пророчество. Подставить всех.

Подставить?

Она прикусила щеку изнутри, не позволив ни слову сорваться с губ. Но внутри было не стыдно. Было пусто.

— Совет постановил: дату помолвки перенести. Закрыть Есению до обряда. Без права выхода. И, — мать кивнула в сторону старшей тётки, — усилить обереги. Не для защиты. Теперь, для удержания.

Яся подняла голову. Бросила только один взгляд, на Ладу. И та вдруг не улыбалась.

Все понимали: это не наказание.

Это — приговор.

Глава 6

Мать не лгала. Ясю действительно посадили под арест. Хотя, это больше было похоже на поводок. Защитная магия словно удавка, не отпускала дальше, чем на заданное расстояние. Даже уютный подоконник попал в немилость.

Телефон Маргарита оставила в наказание. Яся видела каждый звонок, каждое сообщение от которого рвалось сердце.

Артур:

"Ты куда пропала?"

"Ответ"

"Яся, пожалуйста, мне нужно тебя видеть"

Яся смотрела на экран, будто на запретную дверцу. Но пальцы не слушались. На телефон были наложены чары — не отключаемые, не пронзаемые. Ответить было невозможно. Она обняла колени, уткнулась лбом в них и медленно выдохнула.

В дверь постучали.

— Можно? — в комнату заглянула Лада. На удивление без ехидства. Просто Лада. Просто младшая сестра.

Яся кивнула.

— Я не буду задерживать. Просто... — Лада подошла ближе и села на край кровати. — Он заходил в лавку. Искал тебя.

Яся не сдержала дрожи.

— Я сказала, что ты выходишь замуж, — тихо продолжила Лада. — И что так надо.

Повисла тишина. Яся не смотрела на сестру.

— Но он... — Лада сглотнула. — Он выглядел так, как никто из этих ведьмаков никогда не смотрел. Словно на него обрушили весь мир.

Яся прикрыла глаза.

— Я не сдам тебя, — сказала Лада. — Но и помочь не могу.

Она мимолётно коснулась руки сестры, но потом словно передумав, отдернула руку.

— Завтра приезжает Ратмир и его семья. Будь готова, с тебя по полной спросят, — бросила она на прощание и вышла.

Когда за Ладой закрылась дверь, Яся сжалась в комок. Слезы катились по щекам, но она даже не вытирала их. За окном шумел ветер, но магия не пускала его в комнату.

И в этой тишине, как приговор, звучала мысль:

Выхода нет.

Утро началось не с солнца, а с запаха ладана. Дом наполнился движением ещё до рассвета: где-то гремели кастрюли, в зале накрывали стол, а во дворе ведьмы рисовали защитные символы мелом и солью. Всё должно быть идеально. Ведь сегодня — сватовство.

Яся сидела на постели, уже одетая. В белой рубашке с вышитым воротом и плотной юбке, тяжёлой от магии рода. На лбу холодела металлическая подвеска — оберег, символ статуса. Всё в ней сегодня говорило: «я — невеста». Но внутри было пусто. Ни ожидания. Ни страха. Только глухой ком, застрявший в груди.

В дверь постучали

— Одевай платок, — коротко бросила тётка, даже не глядя. — Гости уже в пути. Матушка велела, чтоб ты выглядела достойно.

Яся завязала платок. Красный, с серебряными узорами. Узел под подбородком — как кляп, как напоминание, что сегодня говорить будет не она.

Во дворе собрались все. Мать стояла прямо, с надменной осанкой. Бабушка уже держала в руках каравай с солью, завернутый в рушник. Рядом — Лада, сияющая, будто свадьба у неё. Она перешёптывалась с кузиной, бросая в сторону Яси взгляды, в которых читалось: смирись.

Когда вдали послышался гул колёс, всё вокруг притихло. Даже ветер перестал трепать ленты на воротах.

Карета Ратмира появилась из-за поворота. Чёрная, резная, украшенная гербом Восточного ковена. За ней — ещё одна, с членами его семьи. Магия вибрировала в воздухе, как натянутая струна: чужая, холодная, строгая.

Ратмир вышел первым.

Высокий. Вытянутый, как готическая башня. Чёрные волосы собраны в хвост, серебряная брошь на воротнике. Лицо — не мрачное, нет. Скорее, безликое. Никакой эмоции. Словно маска. Его магия была как холодный туман, ледяной и бесчувственной.

Он приблизился к Ясе. Поклонился — низко, правильно. Она ответила — тоже по правилам.

— Рады приветствовать вас в нашем доме, — тихо сказала Яся, пропуская делегацию. Те даже не посмотрели в её сторону.

Внешняя дверь отворилась сама, впуская делегацию Восточного ковена.

Старшая женщина в изумрудной мантии шагнула первой. За ней — Ратмир. Взгляд прямой, но без эмоций.

Маргарита и старейшины Немиги встретили гостей у порога. Здесь и должен был быть первый ритуал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.